

С.К. Калпетходжаева 

Университет международного бизнеса (UIB), Казахстан, г. Алматы
e-mail: kalpetkhodzhaeva.s@uib.kz

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТИННОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

В данной статье рассматриваются вопросы определения места и роли науки в формировании мировоззренческой картины мира с античности до наших дней. Автор приходит к выводу, что проблемы и принципы, лежащие в основе определения философско-методологической достоверности знания в античной, средневековой, а также в ново-временной европейской среде, пребывали в состоянии перманентного противоборства науки и ненауки, демонстрировавших не столько полемику противоположных взглядов на превалирование обоснованного или представляемого мировоззрения, сколько взгляды философов на саму суть знания, которые в дальнейшем, после просветительских преобразований, всё же оформились в скептицизм и материалистическое отрицание всего необоснованного, недоказуемого. Тяжба по определению критериев подлинного знания в XX вв. послужила поводом для зарождения логического релятивизма, однако, к нашему времени, спор не разрешился и в современном диспуте о научном и ненаучном знании всё большее признание завоевывает кондеминация метафизики и теорий о взаимопроникновении научных знаний с другими способами познания мира.

В статье раскрываются особенности поиска и аргументации знания, которыми пользовались ведущие исторические персоналии. Автор через анализ творчества известных деятелей науки от античности до нашего времени раскрывает принципы и методы, лежащие в основе определения границ научного знания. Отмечается, что в современной философии данный вопрос не разрешен окончательно, но имеется ряд интересных предположений о достоверном и недостоверном знании и критериях его определения.

Ключевые слова: наука, метафизика, подлинность знания, достоверная наука, обоснованное знание, доказательная наука, логический релятивизм, демаркация.

S.K. Kalpetkhodzhaeva

University of International Business (UIB), Kazakhstan, Almaty,
e-mail: kalpetkhodzhaeva.s@uib.kz

The problem with the assessment of the authenticity of scientific knowledge in the history of philosophy

This article examines the issues of determining the place and role of science in the formation of the worldview picture of the world from antiquity to the present day. The author comes to the conclusion that the problems and principles underlying the determination of the philosophical and methodological authenticity and reliability of knowledge in the ancient, medieval, and also in the modern European environment, were in a state of permanent confrontation between science and nonscience, demonstrating not so much polemics of opposing views on the prevalence of a grounded or imagined worldview, how many philosophers' views on the very essence of knowledge, which later, after enlightenment transformations, nevertheless took shape in skepticism and materialistic denial of everything unreasonable, unprovable. Litigation to Determine the Criteria of Genuine Knowledge in the 20th Century served as a reason for the emergence of logical relativism, however, by our time, the dispute has not been resolved and in the modern dispute about scientific and unscientific knowledge, the condemnation of metaphysics and theories about the interpenetration of available knowledge with other ways of knowing the world is gaining increasing recognition. The article reveals the features of the search and argumentation of knowledge, which were used by leading historical personalities. The author, through an analysis of the work of famous scientists from antiquity to our time, reveals the principles and methods underlying the definition of the boundaries of knowledge. It is noted that in modern philosophy this issue is not completely resolved, but there are a number of interesting assumptions about reliable and unreliable knowledge and the criteria for its determination.

Key words: science, metaphysics, authenticity of knowledge, credible science, grounded knowledge, evidence-based science, logical relativism, demarcation

С.К. Калпетходжаева

Халықаралық бизнес университеті (UIB), Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: kalpetkhodzhaeva.s@uib.kz

Философия тарихындағы ғылыми білімнің ақиқаттылығы мен негізділігін айқындау мәселесі

Бұл мақалада антикалық дәуірден бастап бүгінгі күнге дейін әлемнің дүниетанымдық бейнесін қалыптастырудағы ғылымның орны мен рөлін анықтау мәселелері қарастырылады. Автор ежелгі, ортағасырлық, сонымен қатар қазіргі еуропалық ортадағы білімнің философиялық-әдістемелік шынайылығы мен сенімділігін анықтауға негізделген проблемалар мен принциптер ғылым мен ғылыми емес көзқарастар арасындағы тұрақты қарама-қайшылық жағдайында болды деген тұжырымға келеді. Оны дәлелденген немесе ұсынылған дүниетанымның таралуындағы қарама-қайшы көзқарастардың полемикасынан көрсете отырып, кейінірек скептицизм мен ақылға қонымсыз, дәлелденбейтін көзқарастарды материалистік тұрғыда теріске шығарудан қалыптасқан ағартушылық қайта құрулардан кейінгі философтардың білімнің мәні туралы көзқарастары арқылы білдіреді. XX ғасырдағы шынайы білім критерийлерін анықтау бойынша қиындық логикалық релятивизмнің қалыптасуына себеп болды, дегенмен, қазіргі уақытқа дейін бұл даулы мәселе шешілмеген және ғылыми және ғылыми емес білім туралы пікірталастарда метафизиканы және қолда бар білімді әлемді танудың басқа тәсілдерімен өзара байланыстыруды айыптау туралы теориялар кең мойындалып отыр.

Мақалада жетекші тарихи тұлғалар қолданған білімді іздеу мен дәлелдеудің ерекшеліктері ашып көрсетілді. Автор ежелгі дәуірден біздің заманға дейінгі белгілі ғалымдардың еңбектерін талдау арқылы білім шегін анықтауға негізделген принциптер мен әдістерді анықтап көрсетеді. Қазіргі философияда бұл мәселе түпкілікті шешілмегені, бірақ шынайы және шынайылықтан алыс білім мен оны анықтау критерийлері туралы бірқатар қызықты болжамдар бар екендігі атап өтілген.

Түйін сөздер: ғылым, метафизика, білімнің шынайылығы, нақты ғылым, негізделген білім, дәлелді ғылым, логикалық релятивизм, демаркация.

Введение

Некоторые современные философы считают демаркацию, популярное решение прошлого века, «одной из самых амбициозных и самых провальных задач философии науки XX столетия» (<https://m.facebook.com/postnauka/videos/проблема-демаркации-в-философии-науки-виктор-вахштайн/725521284501041/>), основывая свой взгляд на том, что любая научная парадигма, будучи частью науки (дисциплины) и занимаясь изучением разных аспектов одного предмета, при определенных условиях, в дисциплинарном плане может стать несовместимой (даже антагонистической) по отношению к своей родственной теоретической установке.

Современные методологи науки всё больше начинают говорить, что «...материалистическое мировоззрение из прогрессивного превратилось в интеллектуальные оковы человеческого разума», в то время как «метафизика есть самая обширная и ценная из всех наук» (Кречет 2013: 162-163). А известный американский эссеист Нассим Талеб вообще предлагает отучиться «употреблять термины, относящиеся к знанию, для описания полярного ему явления» (Taleb 2007: XXV), уверяя, что привычка принимать

явное за единственно правильное заключается в нашем рационализме, идущем от тезиса Платона о том, что лишь научно доказанное является обоснованно-достоверным. Данное утверждение, заявляет Талеб, становится причиной суждений, что «идеи и стройные построения отпечатываются в нашем сознании, они затмевают для нас менее элегантные предметы с более аморфной и более неопределенной структурой», что далее ведет исследователя к склонности «преувеличивать значимость факта, усугубляемой вредным влиянием ученых, особенно когда они создают категории». Этот парадокс восприятия и анализа реальности он называет Великим Интеллектуальным Мошенничеством (Great Intellectual Fraud) (Taleb 2007: 229).

Обоснование выбора темы и цели и задачи

В исследовательском плане проблема поиска критериев истинности знания является «вечной» философской проблемой. В условиях, когда мир дает нам потребность в использовании новых средств мышления, ориентированного на современные социальные процессы, определение роли и места человека в окружающем изменяющемся мире, рефлексия универ-

сальных ценностей человека и его деятельности, поиск научности и достоверности знания также актуален, как и всякий другой смыслообразующий поиск. Логика определения границ истины раскрывает нам своеобразие каждой универсальной системы в целостном историко-философском процессе, где она суть динамическая и благородная цель. Более того, именно она устанавливает и аргументирует предмет философии, насыщает философские учения при всём многообразии подходов и форм их отображения.

В связи с вышесказанным *целью* данного исследования является анализ попыток определения границ и критериев истинного, объективного научного знания, построенный на основе разбора различных научных теорий и мнений в истории философии. Для достижения данной цели были поставлены следующие *задачи*: 1) выявить тесную и неразрывную связь философского учения о бытии и теории истины через различные философские интерпретации – определение знания и его классификация в учениях античных философов Платона и Аристотеля; рефлексия о знании и его границах в средневековом интеллектуальном пространстве, протекавшая в виде полемики адептов научного подхода в лице Аверроэса и его последователей против богословов-схоластов с их абсолютизацией религиозного миропредставления; дискуссия, реализовываемая в ново-временном скептицизме и материалистическом отрицании около- и вне-научных идей (включая религию, метафизику, иррациональные спекуляции); логический позитивизм, который в XX веке проводит жирную линию демаркации науки и ненауки, провозгласив материалистический рационализм победителем в споре за подлинность в объяснении мира и его устройства; 2) дать анализ современного обширного комплекта теорий и формулировок о смысле, происхождении и наполнении науки, ставшего предметом дебатов и поиска разных, не всегда, на наш взгляд, разумно-обусловливаемых, методов и аргументаций, разделяющих доказательную науку от всех ее крайностей (часто, увы!, выраженных с вульгарностью и претенциозностью), что в нынешней философии науки привело к принятию мнения об относительности достоверного фактического объяснения мира и фиксации зыбкости границ всех видов духовного производства с их подверженностью взаимопроникновению и дискретности.

Методология исследования

В качестве методологического основания статьи выступают основные диалектические методы – метод единства исторического и логического, метод философского восхождения от абстрактного к конкретному; принцип взаимной связи сущности понятия (истины) и его явления в теоретических концепциях.

Результаты и обсуждение

В контексте поставленных целей и задач проявляется позиция реконструирования основных теоретических концепций адекватного, достоверного знания в философии через осмысление онтологического, эпистемологического, ценностного и причинно-следственного понятия истины; выделяется многоаспектность и в то же время целостность понимания различных историко-философских концепций определения границ истинного и достоверного в науке; демонстрируется единство теории и практики, когда исследователь осуществляет свою деятельность в рамках эвристического расширения картины мира.

Философские концепции Платона и Аристотеля

Отбросив античный скептицизм Пиррона, заявлявшего, что «текучесть и непрерывная качественная неустойчивость вещей ведут к их нечеткой же различимости в восприятии, а потому и невозможности судить о них с точки зрения категорий «истины» и «лжи», ...лучше всего – воздерживаться от однозначно-определенных утверждений и пребывать в невозмутимости духа и полной свободе суждений» (Новейший философский словарь 2003: 749), подойдем к рассмотрению подлинности знания с позиции ее научной целостности и смысловой обоснованности. В данном случае авторами первых научных программ безапелляционно провозглашаются классики античности – Платон и Аристотель (Гайденко 1987), а «учения Гермеса Трисмегиста или Зороастра – это, напротив, типичная духовная периферия, отклоняющаяся как от ортодоксальной церковной, так и светской магистральной, основа еретических, сектантских, мистических и магических учений» (Касавин 2008: 11). (Попутно заметим, что в их бытность нет еще термина «наука», она подразумевалась, когда речь шла о знании («эпистеме») и размышлении («дианойа»), а также о мудрости («софия»), которая заключает в себе обе эти дефиниции).

Платон, основатель математического естествознания, дает нам интеллектуальные карты реальности – модели и конструкции, очерченные формы. Особенностью его понимания знания является связь познания и методологии науки с учением о душе и логикой. Еще одной характерной чертой является нечеткое разграничение между наукой и мифологией: вся философия Платона – это балансирование между бытием и небытием, явью и умопостигаемым миром. Единственным критерием значимости науки выделяется практическая направленность и ценностный подтекст.

В диалогах «Государство», «Тимей» он показывает различие между мнимым знанием и подлинным (последнее является прерогативой истинных ученых-философов), а также анализирует понятия мудрость и обладание мудростью, что представляется Платону подлинным счастьем, которое «во всем несет людям счастье, ибо мудрость ни в чем не ошибается, но необходимо заставляет правильно действовать и преуспевать» (Платон 1986: 123). Быть истинно мудрым – значит быть полезным для общества, а этого можно добиться через деятельность, освященную мудрецами, через интеллект, выраженный разумом, рассудком, верой и способностью к уподоблению, которые открывают путь диалектика к рассуждениям, а они, в свою очередь, через раскрытие противоречий, ведут к постижению умом сущности каждого предмета искренне и истинно философствующему субъекту (Платон 1994: 284-286, 417-418). Цель эрудиции – быть властительницей и путеводительницей человека на его пути к достижению подлинно прекрасного бытия.

Творчество Аристотеля называют фундаментальным столпом, на котором возводилось последующее видение мира. Круг его интересов был обширен, вклад в науку – безгранично масштабен. Аристотелю, которого мы воспринимаем оппонентом Платона в вопросах мировоззренческого характера, принадлежит заслуга создания формальной логики и понятийного аппарата, на котором базировались последующее научное мышление и классификация наук. Еще одним достижением Стагирита является разработка философских категорий сущности, количества, качества, отношения, места, времени, обладания, положения, действия и страдания, а также основных принципов бытия: о возможности и осуществлении, форме и материи, действующей причине и цели. Ценность и в то же время уникальность появления понятийно-

го аппарата состоит в том, что он совмещает в себе описания как явлений физического мира, действительные события, научные факты и их доказательства – данные, добытые эмпирическим и теоретическим путем, – так и описания исследуемых проявлений, добытые совершенно противоположным обоснованному знанию инструментарием – материалами преданий, мифов, религиозным и художественным творчеством. Для развития науки Аристотель в работе «Топика» предлагает гипотетико-дедуктивный метод, согласно которому «Доказательство имеется тогда, когда умозаключение строится из истинных и первых [положений] или из таких, знание о которых берет свое начало от тех или иных первых и истинных [положений]. Диалектическое же умозаключение – это то, которое строится из правдоподобных [положений]... «для [познания] первых [начал] всякой науки» (Аристотель 1978: 348). Аристотель отказывается от чувственного опыта, считая его ненаучным, ибо он не поддается рассмотрению, в то время, как анализ – единственный путь к выявлению причин явлений – истина, которая показывает подлинную мудрость. Из этого следует признание им в «Метафизике» приоритета науки, которая исследует причины истинно сущего (Аристотель 1976: 21), ведь «если нет какой-либо другой сущности (ousia), кроме созданных природой, то первым учением было бы учение о природе. Но если есть некоторая неподвижная сущность, то она первее, и учение о ней составляет первую философию, притом оно общее [знание] в том смысле, что оно первое. Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково все присущее ему как сущему» (Аристотель 1976: 182). Целью познания является постижение закономерностей и раскрытие необходимого в природе. Взяв за главный инструмент общие понятия, связав воедино всеобщее и необходимое, человеку в то же время нельзя забывать о своей естественной ограниченности, и преодолеть это, объединив понятия с чувственно воспринимаемыми явлениями, сделав их, таким образом, достоверными и логически доказуемыми.

Таким образом, объявив теоретическое знание умозрительным по своей сути, античные философы отождествили его с метафизикой, которая не нуждается ни в какой обоснованности и призвана раскрыть (с помощью логики и теоретического анализа) высшую благодетель – смысл человеческого существования, познание того единого и высшего, из которого всё

происходит, от которого всё зависит, куда всё, в конце концов, уйдет. Это начало – Благо, тождество идеального и материального, мышления и формы. Оно трансцендентно, сверхприродно; его постижение и является конечной целью исследователя.

Понимание знания в средневековье. Теория «двойственности истины»

Средние века вошли в историю как смутное, тёмное время. Вернадский В.И., рассматривая данный промежуток человеческой истории, выражает глубокое разочарование не столько превалированием религиозного мышления над научным, сколько потерей научного аппарата, созданного Аристотелем и его античными последователями, ведь «достаточно перерыва в его создании в течение одного-двух поколений для того, чтобы научная работа человечества остановилась или, вернее, проявлялась так слабо, что геологическая роль ее в общем масштабе жизни человечества сглаживалась бы. Должны потребоваться столетия, чтобы аппарат мог вновь создаться» (Вернадский 1991: 113).

В основном, средневековый методологический подход основан на стараниях произвести символический анализ мира в рамках Священного писания. Мыслители больше являются богословами, рассматривающими физический мир только как пример подтверждения божественного провидения, имеющий сакральное наглядное выражение первоначального трансцендентального смысла, то есть знание – это *praesambula fidei* (преамбула веры). Природа является ступенью насыщения нашего любопытства, не более. Именно в силу своей промежуточности она не становится объектом исследования – она лишь пример божественной последовательности, монументальности и совершенства, которые необходимо лишь констатировать и отнести к Господу. Одним из родоначальников религиозной философии был Аврелий Августин, прозванный за особую святость Блаженным.

Большой интеллектуал, человек, внутренне принадлежавший двум историко-культурным парадигмам – античному научному плюрализму и ортодоксальному христианскому догматизму – Августин не вмещается в рамки одной лишь Патристики, став авторитетом далеко за пределами христианского мира. В работах «Исповедь» и «О граде божием» мыслитель представляет нам определение достоверного знания. Не отвергая античное представление о двух источниках познания – чувственного восприятия и мышления, он указывает, что в природе при-

сутствуют феномены, не поддающиеся познанию без божественного вмешательства. Истина, данная Богом, и является подлинным знанием, происходящем в акте божественного волеизъявления от установления объекта познания («Богатца»), через действие, дающее нам знание («Бог-сына»), в связи («Святой дух»), соединяющей эти два начала.

Познавательный подход, предложенный Аврелием Августином, был закреплен схоластами, которые не только укрепили символическое объяснение природы, но уже отвергли античную науку, сделав акцент не на естествознание и точные науки, а только – на лингвистико-историко-литературные компоненты знания.

Справедливости ради отметим, что в это же время существовал иной подход, отличный от применяемой европейскими схоластами методологии. Он возник на Ближнем Востоке, где наука сохранилась и некоторое время даже процветала, благодаря мусульманскому перипатетизму, сберёгшему античные традиции и направления научного мышления, необходимые в указанное время преимущественно для практического применения. Сохранилось, правда, с религиозной корректировкой. Этот парадокс расцвета науки в религиозном окружении, продемонстрированный деятелями мусульманского Ренессанса, дает нам тот немногочисленный пример мирного сосуществования научного и вненаучного сознания, и показывает, что различные формы мышления могут не только уживаться, но и давать прекрасные плоды творчества и научных достижений. Конечно, их деятельность – скорее исключение, чем типичное проявление союза теологии и науки.

Вопрос о подлинности науки в XI-XII веках лежал в основе полемики между перипатетиками (в арабской интерпретации «школой фальсафы») и религиозными учеными (улемами). Суфийский мыслитель аль-Газали написал несколько трактатов против применяемого арабскими интеллектуалами аль-Кинди, аль-Фараби и ибн-Синою научного метода познания и классификации наук. Он говорил о невозможности получения истины путем научного доказательства. Истина одна и она – от Бога, которого можно познать только путем мистического отрешения. Ибн-Рушд, оппонент аль-Газали, не только допускал двойственный характер истины, но и отстаивал научную обоснованность философии, ибо логика и расчет имеют большую претензию на достоверность, чем аллегорическое толкование и метафорические предположения религиоз-

ной аргументации. Ибн-Рушд отстаивал мысль о различной направленности и наполненности религии и философии: объект религии – Бог, а метод – вера, тогда как предмет философии – природа, а метод ее – опыт. Деятельность ученого направлена на улучшение окружающего мира, поэтому она должна носить прикладной характер, а поиск божественного присутствия – дело возвышенное, сугубо интимное, душевное, и носит характер духовный, сакральный. Эти две области несоприкасаемы и истины у каждой свои. Причем, утверждает Ибн-Рушд, их различность не может ни осуждаться, ни отвергаться: они противоположны и, более того, практически враждебны друг другу. Теория двойственной истины была обращена к самой сути схоластики – старанию синтезировать религию и философию. Ибн-Рушд отвергает перспективы рационалистического анализа религиозных понятий, широко распространённого в европейской среде, делая акцент больше на необходимости разъединения и обособления религиозной и философской сфер.

Принимая эти доводы и осмысливая ставшую популярной в западном мире теорию двойственности истины, христианский авторитет Фома Аквинский вопреки предостережениям Андалуца, в то же время пытался рационально доказать божественное присутствие и смысл Откровения путем логического анализа. Он соглашался, что философия имеет эмпирически-рационалистическую подоплёку, в то время, как религия опирается на священный текст и Откровение, но бытие бога, его единство доказуемы, тройственная сущность Бога, первородный грех или происхождение мира не поддаются объяснению, так как выходят за пределы разумности – они сверхразумны. В качестве подтверждения Фома приводил «5 доказательств бытия Бога». Позднее, в номиналистической традиции У. Оккама, данная теория потерпела критику, основанную на тезисе, что религиозная вера недоказательна по сути и не может быть тождественна науке в силу своей метафизической основы. Придерживаясь принципа не умножать сущностей без необходимости, Оккам считал, что если нет нужды истолкования без гипотетического предположения, то и не нужно искать то, что и так очевидно. Иначе говоря, наши выводы о мире сформированы на основе чувственного восприятия вещей. В мире божественного сотворения не может быть хаоса: мир по своей сути рационален, а материальные и смысловые концепции противоположны, так как первые обладают единичным характером, а вто-

рые – общим, и им нет места вне ума. Концептуалисты в лице П. Абеляра и И. Дунса Скотта высказывали мысль, что знание о реальном мире существует не в уме Бога, а в уме человека.

Обобщая гносеологические традиции средневековых ученых, можно свести их к общему выводу: поскольку миропредставление формируется на основе общих понятий, о нём можно получить только вероятное, но не достоверное знание. Споры о двойственности истины в конце концов привели к победе скептицизма (Бог и его деяния не могут измеряться категориями, а божественное Провидение само позаботится о причинах и следствиях свершаемого), и далее, в новоевропейской среде, повернули к позиции рационализма, различая философию и религию, как абсолютно противоположные отрасли знания.

Понятие «наука» и «ненаука» в Новое время

Переходя к разбору концепций подлинности науки в Новое время, необходимо отметить:

а) творчество Роджера Бэкона, который вслед за арабскими мыслителями был энтузиастом науки и астрологии (это в то время, когда его современники, христианские схоласты, считали «магию занятием дурным, а астрологию – обманом» (Рассел 2009: 316);

б) вклад Коперника, Кеплера, Галилея и Ньютона, благодаря механистическим разработкам которых наука стала служить интересам государства (вначале, правда, милитаристским) и общества. Научные открытия сделали их пионерами нового знания, заложившими первые кирпичики в восстановление разрушенного схоластами храма науки;

с) первых северных гуманистов Эразма Роттердамского и Томаса Мора, которые постепенно, шаг за шагом ломали схоластические взгляды, привнося в многовековое засилье религиозного догмата сколы и трещины, которые в конце концов разрушили незыблемую прежде твердыню средневекового постулата о мире и его устройстве.

Появление и созревание науки Нового времени совершалось в рамках формирования буржуазного промышленного производства. Никогда прежде знания и новаторство не играли такую важную роль, как это стало происходить в связи с развитием капиталистических отношений и экспансиональных амбиций европейских государств. Этот феномен расцвета экспериментально-математического естествознания известный российский философ В.С. Стёпин определил термином «техногенная цивилизация», опреде-

ляя суть науки не теоретико-познавательным наполнением, а его практическим характером. Сиречь, это время, когда «наука является способом создания и совершенствования техники на базе достоверных (истинных) знаний» (<https://cyberleninka.ru/article/n/chto-dala-chelovechestvu-nauka-novogo-vremeni>), время, когда появляется «технонаука».

Бесспорно, что в таких обстоятельствах значительную долю философов составляют сторонники методов обоснованного знания: интересы ученых смещаются в область теории познания, логики и методологии науки, в которых главным подходом считается постулат об автономности и независимости разума относительно веры, а науки – относительно религии. Бертран Рассел, характеризуя характер ново-временной науки, пишет: «Авторитет науки высказывает свое суждение только о том, что в данный момент представляется научно установленным, ...суждения науки являются опытными, делаются на основе вероятностного подхода и признаются подверженными процессу изменения. Это порождает склад ума, весьма отличный от склада ума средневекового догматика» (Рассел 2009: 331). Для амбициозных планов европейских пассионариев становится несущественным тривиальный спор о подлинности знания: теперь человеку нужен творческий размах, постижение пространства, открытие окружающего мира, не только в теоретическом ракурсе, а реальное, действительное, физическое освоение мира и его тайн. В связке с новым мышлением растет не только уверенность в безграничности знания и власти над природой, меняется взгляд на социальные отношения: после появления национальных государств постепенно стираются индивидуалистические позиции их обитателей – ведь для больших завоеваний и глобальных проектов нужна группа единомышленников, а для освоения изобретённых инструментов покорения сил природы нужны навыки совершенно отличного, чем узко профессионального плана – быстрая обучаемость, любознательность, креативность. Тот же Б. Рассел отмечает: «В отличие от религии научная техника в этическом отношении нейтральна: она вселяет в людей уверенность в том, что они в состоянии творить чудеса, но не указывает им, какие чудеса следует творить» (Рассел 2009: 332). Человек становится творцом истории, появляется новый человек, вооруженный лозунгом «Знание – сила», на государственные должности претендует представитель третьего сословия, облик которого наполняют незнатное происхож-

дение, отсутствие привязанности к религиозной традиции, неясная национальная идентификация, которые, однако, с лихвой замещаются энтузиазмом, смекалкой и верой в прогресс. Этот деятель истории и провозгласил ориентир на фактологическое обоснование изучаемых явлений и практическое применение совершаемых открытий.

Френсис Бэкон сыграл неоспоримую роль родоначальника метода индуктивного анализа и создателя новой классификации наук. Наука для него – это производство сведений для изучения мира. Философ выбирает индуктивно-экспериментальный метод познания, когда роль ученого – быть знатоком, исследователем-экспериментатором, который может извлечь утилитарно-практическую пользу из продуктов окружающего мира для дальнейшего его преобразования и улучшения условий человеческого существования, а предназначение эрудиции – быть орудием для завоевания реальных плодов деятельности во благо человека и облегчения его жизни для большей власти над природой: «Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природой, покуда все не станет для него возможным» (Бэкон 1972: 514). Ф. Бэкон отвергает Аристотеля, который считал, что только теоретическая философия, представляющая собой получение знания ради самого знания, имеет право быть достоверной и значимой. По мысли Бэкона, если аргументировать цель и применение полученных знаний, то любая наука обоснована и включает теоретическое или практическое усвоение, ибо «Первая исследует недра природы, вторая переделывает природу, как железо на наковальне» (Бэкон 1971: 217). В данном контексте даже метафизика, наряду с физикой и механикой, имеет область применения – натуральную магию. Любое знание, отвечающее требованиям новаторства и прогресса, имеет право на существование и признание.

Соглашаясь с этим мнением, другой представитель Нового времени, основоположник принципа рационализма и дедуктивного метода познания Рене Декарт, провозглашает принцип «Cogito ergo sum» («Я мыслю, следовательно, я существую») для применения его как в изысканиях утилитарно-практического направления, так и для постижения секретов интеллигибельной философии. Строго говоря, в исследовательском плане деятели Нового времени, как мы уже отметили, не отвергали метафизику за недостаточность обоснования, позволяя приме-

нять научный метод в околонучном контексте. В работе «Размышления о первой философии, в коих доказывається существование Бога и различие между человеческой душой и телом», мысль об онтологическом доказательстве существования Бога философ ставит в разряд наиболее важных, «кои надлежит доказывать скорее доводами философии, нежели теологии» (Декарт 1994: 4). Благодаря логическому анализу, Декарт приходит к выводу: «Под словом “Бог”, я понимаю субстанцию бесконечную, вечную, неизменную, независимую, всеведущую, всемогущую, создавшую и породившую меня и все остальные существующие вещи (если они действительно существуют). Эти преимущества столь велики и возвышенны, что чем внимательнее я их рассматриваю, тем менее мне кажется вероятным, что эта идея может вести происхождение от меня самого. Следовательно, из всего сказанного мною раньше необходимо заключить, что Бог существует» (Декарт 1994: 38). То есть, рационализм не есть материализм, удостоверяет мыслитель, это метод, который одинаково применим и для достоверного научного, и для метафизически иррационального объяснения мира, чем и занимается мыслитель во всей своей деятельности, вошедшей в историю под облачением рационалистического дуализма. Согласно картезианскому механицизму, главным атрибутом материи является протяжённость, в то время как сама она без внешнего толчка бездеятельна, пассивна. Всё происходящее в мире взаимосвязано через воздействие одного тела на другое, источником развития является Трансцендент, помещенный за рамки природы, следовательно, причины данных явлений имеют сверхприродный характер, который нельзя изучить силами науки.

Двоякая мировоззренческая позиция признанных авторитетов новой науки выражена и в других увлекательных метафизических учениях, например, вызывает интерес осмысление бога и его присутствия в философии пантеистического характера Бенедикта Спинозы. Несмотря на общий рационалистический характер применяемого им метода исследования, мир представлен этим голландским философом как единая субстанция, ни одна из частей которой не может существовать отдельно и самостоятельно, и «всем, что она имеет совершенного, не обязана никакой внешней причине; поэтому и ее существование должно вытекать из одной ее природы, которая, стало быть, есть не что иное как ее сущность» (Спиноза 2018: 21) и «Бог, или субстанция, состоящая из бесконечно многих атрибутов, из ко-

торых каждый выражает вечную и бесконечную сущность, необходимо существует» рождает представление об иллюзорности человеческого волеизъявления (Спиноза 2018: 171). В пантеизме Спинозы мы видим одухотворение природы: его теологическая метафизика уравнивалась науке, аргументируясь на мысли о божественном присутствии во всех происходящих естественных явлениях. Столь сомнительная точка зрения, естественно, позднее подверглась критике немецкими романтиками Шеллингом Ф., Байзером Ф. и др., отмечавшими, что, «...если природа божественна и абсолютна, то нет трансцендентального царства свободы над природой или за пределами её. И совершенно обесценивается способность продуктивного воображения субъекта и индивидуальная личность» (Чернишкина 2013: 32).

По некоторым утверждениям, законченное метафизическое доказательство существования бога дает Лейбниц, который подразделил свои доводы на онтологическое доказательство, космологическое доказательство, доказательство от вечной истины (определение И. Канта), физико-теологическое доказательство (Рассел 2009: 390). Вооружившись логикой в качестве главного своего инструмента, Лейбниц считает, что Бог создал «совершеннейший из всех возможных миров» (Лейбниц 1989: 67), предначертал судьбу мира со всеобщей гармонией душ и тел, свободы и необходимости, позволив, однако, быть злу, как акту господства абсолютной свободы воли, для понимания ценности добра и света. Лейбниц – рационалист, поэтому жестко придерживается принципа доказательства, при котором предикат уже являет себя в процессе утверждения, когда доказательство «...посредством разложения терминов положения и постановкой определения или его части на место определяемого...» (Лейбниц 1982: 314) реализуется за определенную численность шагов. Случайных истин, утверждает мыслитель, не существует, всё происходящее имеет свое логическое основание: «...В случайных истинах, хотя предикат и присутствует в субъекте, это, однако, никогда не может быть доказано, и никогда предложение не может быть приведено к уравнению или тождеству, но решение простирается в бесконечность. Один только Бог видит хотя и не конец процесса разложения, ибо его вообще не существует, но взаимную связь терминов и, следовательно, включение предиката в субъект, ибо ему известно все, что включено в этот ряд. Даже сама истина рождается частично из его

разума, а частично из его воли и по-своему выражает бесконечное его совершенство и гармонию всего этого ряда вещей» (Лейбниц 1982: 315). Всё это выражает абсолютную свободу воли, которая лежит в основе мира.

Определение границ знания в XIX веке

Разумеется, на этом спор о свободе воли не закончился, наоборот, в дальнейшем он сыграл немаловажную роль в определении границ феноменального и ноуменального миров, предела человеческого разума, который может быть включен как в область природы, так и туда, где властвуют высшие законы, которые можно постичь только путем умозрительного миропредставления. В этой связи, нельзя обойти волюнтаризм, представленный А. Шопенгауэром и Ф. Ницше, в котором абстрактно понимаемая воля является сущностью и творцом самого бытия и нет никакой необходимости в рациональном обосновании или причинной интерпретации существования мира. Конечно, появление данной точки зрения является ответной реакцией на стремление философов XVII-XVIII вв. математически точно, логически обоснованно доказать анализируемые объекты науки.

«Мифология воли» Шопенгауэра – это абсолютное начало, неконтролируемое разумом, а мир – его воля и представление. «"Разум" классической философии он объявил всего лишь фикцией. Традиционный рационализм в целом был отвергнут им как придуманная профессорами и ставшая им необходимой басня о непосредственно и абсолютно познающем, созерцающем или воспринимающем разуме» (История философии: Запад-Россия-Восток 1999: 12).

За отправную точку своей доктрины А. Шопенгауэр берет некое умопостигаемое начало – волю, воображаемую как необузданное бесцельное желание, не имеющее ни начала, ни конца. Она – субстрат и ядро мира, ее атрибуты – целостность, неизменность, беспричинность, вневременность и самопроизвольность, наряду с этим – она присутствует во всех проявлениях действительности. Испытав влияние учения И. Канта о «вещи-в-себе», Шопенгауэр полагал, что она и есть Мировая воля, а все остальные предметы окружающего мира – суть ее объективация, высшим проявлением которой является сознание. Следовательно, все виды нашего осознания, называемого мыслителем представлением, функционируют не рационально, а по указанию воли, которая в некотором плане представляет собой энергетическую основу как отдельного человека, так и всего мира в целом.

Высшим видом познания воли является не наука, а искусство. Шопенгауэр был уверен, что подлинная философия должна рефлексировать чувства, интуицию и эмоции, мышление же абстрактно и не имеет важного значения, ибо его предметом является материальная сфера.

Творчество Ницше часто относят к эстетическому иррационализму, имея ввиду его тяготение к метафористической интерпретации взаимоотношения природы и человека, слиянию художественного и философского способов передачи мысли. Понимание воли Ф. Ницше немного отлично от шопенгауэровского: от всеобъемлющего волюнтаризма он переходит к осмыслению мира с позиции личности, считая, что она неразрывно связана с социумом и деятельностью человека. Его идеал – гармоничный человек, оптимист, живущий в ладу с окружающей реальностью. Ницше не только предлагает переосмыслить методы постижения мира, он задумывает переоценку ценностей, заменяя понятие «Воля» понятием «Жизнь»: «Только там, где есть жизнь, есть и воля; но это не воля к жизни,.. но воля к власти! Много ценится живущим выше, чем сама жизнь; но и в самой оценке говорит – воля к власти!» (Ницше 1996: 83). Именно эти мысли Ф. Ницше ознаменовали решительное размежевание новых метафизических взглядов с классическими приемами философского мышления и появление феномена неклассической философии. Волюнтаризм явился одним из оснований, из которого выросли и поднялись иррационалистические направления западной философии XX века с их пропагандой агностицизма и отрицания научного оптимизма, противопоставляющих научную картину мира нелогическому, часто необъяснимому, феномену проявления истины. Уместно вспомнить З. Фрейда с его абсолютизацией биологического начала и сексуальных инстинктов в человеке; Э. Фромма, провозгласившего главным двигателем общественных процессов любовь, через которую возможно каждому реализовать свои творческие навыки; и, несомненно, экзистенциализм, этот гений философской рефлексии, с идеей о наполненности личности неким непостижимым содержанием, присутствии которого непонятно и проявляется лишь в критической ситуации мучительного выбора, «пограничного состояния» в момент отклонения от нормы и демонстрирует истинную суть человека.

Однако наиболее приемлемо для анализируемой темы рассмотрение философии науки, по-

явление которой в середине XIX века предвосхитил позитивизм.

Свежее осмысление сущности науки и научного метода наиболее широко представлено в творчестве Огюста Конта, реализовавшего свои взгляды через пропаганду опытной науки и создание практически культового отношения к ней по аналогии с религиозным институтом. По мысли Конта, для достоверности знания совсем необязательно объяснять причины явлений, этим может заниматься метафизика, объектом науки должны стать исчисляемые факторы: всё, что можно наблюдать, изучать и подтверждать/отвергать. Наука должна организовывать свою деятельность на эмпирическом базисе, поэтому для ученого должны быть интересны общие научные положения с целью создания в дальнейшем системы однородной науки; логические законы человеческого разума; движения человеческой мысли по пути исследования. Конт полагал, что наука и ее законы могут отвечать только на вопрос как, но не на вопрос почему (<https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-kak-predmet-poznaniya-v-filosofii-pervogo-pozitivizma>).

Мысль о том, что ученый должен постигать не историю или природу явления, а только логическую закономерность и тождество фактов друг с другом высказывали Джон Стюарт Милль и Герберт Спенсер. Основоположениями взглядов Милля были: тезис о единообразии природы, эмпирическое обоснование знания и наделение повторяющегося феномена статусом закона. Наука должна заниматься систематизацией и кодификацией научных знаний, отбросив всю метафизику за необоснованность и зачастую спекулятивность в употреблении доводов. Предела знания нет, опыт дает нам безграничную почву для исследования, утверждает философ. Сторонник философии «здорового смысла» Г. Спенсер, считавший научный метод источником объективных знаний, отправной точкой в постижении мироздания полагал его исследование с учетом материалистической основы и синтетического характера. Главным принципом развития мыслил эволюцию, а в теории познания придерживался сенсуализма, считая, что «Идеи не управляют миром и не вносят в него перевороты, мир управляется и изменяется через чувства, для которых идеи служат только руководителями» (<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000871/index.shtml>). Для Спенсера нет большого различия между научным и обыденным знанием, главное – обнаружение логики и последовательности внутри него самого. Целью

исследователя должно быть увеличение законов, удостоверяющих единообразие происходящего вокруг нас. Сам процесс развития науки очень важен, так как дает нам прогресс и дальнейшую эволюцию. Для мыслителя наиболее важным фактором в научном исследовании является его прагматический, утилитарный характер. Несмотря на присущий ему агностицизм, Спенсер не сомневается в связи науки с религией, считая их тождественными и взаимообусловленными. Религиозность науки проявляется через абсолютизацию исследователем изучаемых явлений и верой в единообразие мира. Попутно заметим, что постулат Спенсера о единстве религии и науки был довольно популярен в среде английских интеллектуалов (Дж. Тиндаль, Т.Г. Гексли, У.К. Клиффорд, Ф. Гальтон, К. Пирсон и др.), видевших их связывающие моменты: приверженность догмату, формирование социальной нравственности и воспитательный элемент, возвеличивание крепости и решительности взглядов и фанатичное поклонение перед новаторством и прогрессом. Гексли, к примеру, заявлял: «Истинная наука и истинная религия – это сестры-близнецы, и отделение той или другой неизбежно приведет к смерти обеих. Наука процветает точно в той мере, в какой она обладает религиозным содержанием; религия же процветает в той мере, в какой она обретает научную глубину и прочность в своей основе» (<https://cyberleninka.ru/article/n/tezis-o-konflikte-i-nauchnyy-naturalizm>).

Наука должна твориться профессионалами-экспериментаторами, «научными натуралистами» (термин Фрэнка М. Тёрнера), способными реформировать ее путем секуляризации природы. Подлинное знание исключает любые ссылки на божественное бытие; вместо этого ученые должны направлять усилия на изучение наблюдаемых причинно-следственных связей в природе (<https://cyberleninka.ru/article/n/tezis-o-konflikte-i-nauchnyy-naturalizm>), религия же через искусство и поэзию проявляет внутренний мир человека чувствами, эмоциями и воображением. Сторонники научного натурализма мечтали о переосмыслении этоса науки через эволюционный взгляд на мир, предполагавший противоположные религиозным трактовки происхождения человека и природы. В этой же канве, по их мнению, должны развиваться не только естественнонаучные исследования, но и социально-культурные связи. К критериям науки сторонники позитивистской позиции относили: релятивизм, так как основной целью науки должно быть выдвижение гипотезы, а не установление объек-

тивной истины; опытное, подтверждаемое знание; прагматизм и утилитаризм. Если дополнить приведенные описания популярной в дальнейшем марксистской теорией материалистического понимания истории, согласно которой все формы общественного сознания (наука, философия, политика, искусство и др.) являются продуктами экономических отношений – того способа производства, которому характерны особые признаки, присущие определенному развитию производительных сил и производственных отношений, то сциентизм, став главным обоснованием научных изысканий в XIX-XX вв., заложил основу философии науки как основного вектора развития философского знания.

Проблема демаркации науки и ненауки в современной философии

Споры о подлинности науки и определении ее границ были продолжены неопозитивизмом (или логическим позитивизмом) в первой половине XX века. Его представители, европейские интеллектуалы, поклонники неординарной и новаторской философии Людвиг Витгенштейна, основатели Венского кружка Отто Нейрат, Рудольф Карнап, Мориц Шлик и другие, выдвинули мысль о необходимости логико-семантического разбора научного языка с целью устранения из него псевдонаучных метафизических формулировок. Естественно, постановка проблемы была связана с более широкой целью – нахождением способов различения научных утверждений от вненаучных. В качестве критерия демаркации был предложен принцип верификации, в дальнейшем наделенный еще большей функцией – быть критерием осмысленности понятий вообще. По их мысли, подтвержденность предложения является его смысловой сутью, ибо все утверждения, не имеющие доказательства, фактологического объяснения, – выдумка, фантазия, не обладающая правом на научность. Неопозитивисты утверждают: «Акт верификации, к которому в конце концов приводит путь решения, всегда одинаков, – это некий определенный факт, который подтвержден наблюдением и непосредственным опытом. Т.о. определяется истинность (или ложность) каждого утверждения – в обыденной жизни или науке – и не существует других способов проверки и подтверждения истин, кроме наблюдения и эмпирической науки. Всякая наука (если и поскольку мы понимаем под этим словом содержание, а не человеческие приспособления для его открытия) есть система познавательных предложений, т.е. истинных утверждений опыта...» (Шлик 1993: 29-30).

Все языковые предложения могут быть разделены на следующие области:

d) научные. Они делятся на истинные и ложные. Логико-математические предложения определяются конвенциональным (договорным) путем, а физические – эмпирическим;

e) антинаучные. По внешним признакам они могут подпадать под научные;

f) вненаучные. Они основаны на неправдоподобных, нереальных представлениях, и ничему умозрительному или настоящему не соответствуют.

Увлеченность эмпирическим доказательством верификационалистов привела к некоторым несуразицам: так, например, философия из-за отсутствия доказательности не только эмпирического, но и лингвистического значения (непроверяемость) вышла за пределы науки. К числу критических замечаний также можно отнести невозможность проверки самой теории верификации, что приводит к отклонению от её основополагающего принципа – неприменимости принципа к самому себе. Некоторыми теориями верификационный подход порицается из-за узости его диапазона, неосуществимости проверки научной гипотезы в обособленности от других, ибо критерием научности любой выдвигаемой концепции являются данные вспомогательных и прочих предположений, которые в итоге формируют соединение гипотез, чьи итоговые положения могут подтвердить либо же опровергнуть предполагаемое. «Следствием дедуктивизма стало распространение ряда неразрешимых и ненужных проблем, касающихся теоретического осмысления значений и возможность их подтверждения, а результат – сползанием в инструментализм, в котором, в конце концов, только наблюдение предполагаемого утверждения, а не теории имеют эмпирическую интерпретацию. Что это интерпретация и ее значение до сих пор не проанализировано» (Hesse 1970: 185), – утверждают сторонники холизма (англ. Whole – целый, цельный), вошедшего в историю благодаря «тезису Дюгема-Куайна», согласно которому любая сконструированная доктрина включает в себя структурированную систему гипотез, постулатов, утверждений и предположений, которые необходимо воспринимать и оценивать целиком, в комплексе, но не отдельно с помощью ревизии её отдельных частей.

Оппонентом сторонников верификационализма также выступил английский философ Карл Раймунд Поппер, который считал, что подлинной теорию делает не её подтверждение, а

ее опровержение. По его мнению, подтверждаемость теории показывает ее несостоятельность как самостоятельной концепции, иначе – недостаточное выражение сущности исследуемого. Заменить принцип верификации он предлагает принципом фальсифицируемости, согласно которому в любой концепции, претендующей на подлинность, должны быть теории со множеством потенциально опровергаемых данных. Другими словами, если довод опровергается в ходе эксперимента или, по крайней мере, допускает возможность потенциального опровержения, мы можем отнести его к науке. «Теория называется «эмпирической» или «фальсифицируемой», если она точно разделяет класс всех возможных базисных высказываний на два следующих непустых подкласса: во-первых, класс всех тех базисных высказываний, с которыми она несовместима (которые она устраняет или запрещает), мы называем его классом потенциальных фальсификаторов теории; и, во-вторых, класс тех базисных высказываний, которые ей не противоречат (которые она «допускает»). Более кратко наше определение можно сформулировать так: *теория фальсифицируема, если класс ее потенциальных фальсификаторов не пуст*» (Поппер 2004: 77).

В качестве контраргумента к попперовскому подходу выступает его же абсолютизм, мировоззренческая негибкость: получается, если теория не подвержена опровержению, она ненаучна и других альтернатив нет? Нефальсифицируемые теории (например, экзистенциалистские) автоматически становятся ненаучными и относятся к лагерю метафизических.

Поппер считал, что безграничного знания не существует, каждое опровержение подводит нас к истине частично, приблизительно. Этот тезис был подхвачен Имре Лакатосом, который позднее представил идею о том, что ни истину, ни ложь мы не можем утверждать с полной уверенностью. В итоге постпозитивисты подошли к новому взгляду на подлинность истины, утвердив научный плюрализм и эпистемологический скептицизм, в русле которого вполне уместны опусы, вроде «Наука основана на интуитивном понимании того, что видимый мир говорит о скрытых вещах, которые он отражает, но на которые не похож» (Гийом 1992: 7), высказанного французским лингвистом Гюставом Гийомом. В качестве собственной позиции И. Лакатос выдвигает учение об исследовательских программах, согласно которому научность положения определяется не верификацией или фальсифика-

цией, а способностью к развитию. Лакатос пишет: «История науки была и должна быть историей конкурирующих исследовательских программ (или, если хотите, «парадигм»), но она не была и должна стать последовательностью периодов нормальной науки: чем раньше начнется конкуренция, тем лучше для прогресса» (Lakatos 1995: 68–69). Предложение Лакатоса гениально просто: он считает, что научность той или иной теории доказывается арсеналом наибольшего количества новых фактов.

Нельзя обойти в нашем анализе примечательный вклад в методологию науки, который внёс американский логик и методолог науки Томас Сэмюэл Кун. Главным элементом знания он выставил сообщество ученых, имеющих одинаковые исходные условия для изысканий. Он отметил важность пребывания исследователя в социальном ландшафте, внутри мировоззренческой традиции, которая формирует все действующие и последующие взгляды, описания и постижения окружающей действительности. Данную мировоззренческую среду обитания Кун называет парадигмой. Парадигма не формируется спонтанно – она является результатом взаимодействия функционирующей доктрины (принятой, одобренной мнением большинства), или, по-другому, накопленной информации и опыта исследования, и аномалий (найденных противоречий внутри парадигмы несогласными с этой точкой зрения ученых), которые в процессе развития, увеличиваясь в размере, создают противовес действующему мировоззрению, что, в конце концов, приводит к научной революции и принятию следующего авторитетного мнения, а следом, получения новой метатеории, которая создаёт новую модель не только развития науки, но и всего мироздания. При этом причины выбора парадигм могут быть не только научными: на их доминирование или, наоборот, пренебрежение ими могут влиять различные экстерналистские факторы (личные предпочтения, социокультурные, политические, религиозные). Выбор точки зрения – за ученым. Так, например, Коперник, отстаивая гелиоцентрическую систему мира, на деле не думал о перевороте в мировоззренческих установках, а желал подтверждения своим религиозным взглядам о происхождении мира, в которые искренне верил (птолемеевские эпициклы настолько усложнили понимание устройства мира, что перед критиками возникал вопрос о вселенской несуразности, а, следовательно, сомнение в священном Писании. Коперник же

хотел доказать божественную безупречность акта сотворения). Кун предполагает, что в экстраординарный период жёсткой границы между научным и вненаучным не существует.

Позже, в русле релятивистского пересмотра куновского подхода, Поль Фейерабенд, сравнивая науку и мифологию, склоняется к мысли о догматизации парадигмы, о влиянии авторитета (учёный-жрец), сходстве используемых в них приемов, когда несогласуемое или игнорируется, или приводится в соответствие с желаемым (Feuerabend 1978). В связи с чем предлагает более демократичный, на его взгляд, метод, названный эпистемологическим анархизмом, по которому «не существует правила, ... которое в то или иное время не было бы нарушено... Такие нарушения не случайны... Напротив, они необходимы для прогресса науки» (Feuerabend 1970: 22). «Всё дозволено!» («Anything goes»), – провозглашает Фейерабенд и даёт карт-бланш каждому предположению, теории, гипотезе и проч. Любая точка зрения имеет право быть, она не должна быть подтверждена или опровергнута. Единственным требованием является достаточная убежденность автора в своей правоте, ибо австро-американский философ убежден: единственно правильной теории нет и быть не может. Эта позиция вызывает массу критики за отход от главного принципа доказательного знания – отражения объективной реальности, и смешения существующего воображаемым, то есть еще большей путаницы в понимании научного и ненаучного.

Критику испытывают многие научные отрасли, включая даже более или менее установившиеся историю или антропологию. Так, например, Эдвард Саид, известный американско-арабский интеллектуал, выдвигает претензии западной ориенталистике, обвиняя ее в субъективности и духовной поддержке политики колониализма (Said 1978: 11), тем самым сомневается в объективном, надежном знании, соответствующем действительности. Эпистемологический релятивизм касается многих отраслей, тем не менее имеется ряд любопытных (объективных, на наш взгляд) предположений, отражающих большую часть существующего мнения о демаркации науки. В частности, в современном разборе вопросов подлинности знания выделяются интересные исследования западных философов М. Пильуччи, М. Будри, С. Ханссона, Э. Гуда, Ф. Чоффи и российских методологов и историков науки В. С. Степина, И. Т. Касавина, А. М. Конопкина, Д. В. Головина и других.

Факторами, сподвигнувшими современных исследователей на поиски границ науки, являются не только любознательность и академический интерес: это и проблемы вакцинации детей и лечения опасных заболеваний, регулирования климата и готовности (или неготовности) правительств бороться за экологическую безопасность в ущерб экономическим интересам, и многое-многое другое. Как отмечают американские исследователи М. Пильуччи и М. Будри, «даже хорошо информированная публика может быть вовлечена в... сомнительные теории, выдаваемые за науку. Псевдонаучные убеждения конкурируют с достоверной наукой на страницах газет о здоровье за освещение в СМИ и в лабораториях за финансирование исследований. Сейчас, как никогда ранее, жизненно важна способность отделить подлинные научные открытия от ложных...» (Boudry, Pigliucci 2013: 3).

При определении критериев демаркации пристальное внимание вызывает установление признаков псевдонауки, ибо такие широко популярные концепции, как акупунктура и гомеопатия в медицине, гипноз и теории сознания в нейробиологии и психологии, теория струн и инфляционная космология, концепции глобального потепления ждут современного эпистемологического решения. Шведский философ Свен Ове Ханссон одним из первых предложил разоблачение применяемых псевдочеными уловок для имитации обоснованности знания, более корректно названного Маартеном Будри «всепроникающей запутанностью» между содержанием теории и действиями ее сторонников (Boudry, Pigliucci 2013: 90-92). В социологии науки отмечают важность признания исследований профессиональных ученых, для чего существует система научной экспертизы в рецензируемых научных журналах (Shermer 2013: 206-207).

Российские ученые более склонны к опосредованию познавательных процедур с практикой, так, академик Степин В.С. и его последователи подчеркивают связь между самоорганизующимися системами (объектами постнеклассической философии) с полезностью, которая делает их «человекообразными» (Скоморохов, Внутских 2015: 18). В данном послые наблюдается разумная аргументация, ибо во все времена, главным следствием любого спора является применимость его результатов в деятельности людей. Следовательно, и паранаука имеет право быть, но лишь в контексте своего дальнейшего употребления в деле создания нового знания или открытия новых эвристических границ, в процессе

когда-то метко названным М. Вебером «расколдовыванием мира».

Заключение и выводы

Исходя из анализа представленного материала, были сделаны следующие *выводы*:

1. Проблема определения истинности и достоверности научного знания является одной из фундаментальных проблем философии, актуальность которой не исчерпана до сих пор в рамках многообразных подходов и форм их отображения.

2. В качестве основных теоретико-философских концепций понимания научного знания могут служить:

2.1. Формулировка понятия науки и ее классификация в учениях античных философов Платона и Аристотеля.

2.2. Рефлексия о знании и его границах в средневековом интеллектуальном пространстве через анализ творчества христианских и арабомусульманских ученых и их оппонентов – богословов-схоластов.

2.3. Ново-временная дискуссия о критериях и границах науки через анализ сформировавшихся скептицизма и материализма.

2.4. Определение границ знания в волюнтаризме А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, позитивизме О. Конта, Д.С. Милля и Г. Спенсера, сторонников научного натурализма и сциентизма в философии XIX века.

3. Проблема демаркации, поставленная логическим позитивизмом, дополненная в дальнейшем обширным арсеналом теорий и формулировок о смысле, происхождении и наполнении науки, стала предметом дебатов и поиска разных методов и аргументаций, разделяющих доказательную науку от всех ее крайностей в XX в.

4. Подход нынешней философии науки установил мнение об относительности достоверного фактического объяснения мира и фиксации зыбкости границ всех видов духовного производства.

В современной философии нет единого взгляда на нормы выявления истинности знания, существует множество концепций, придерживающихся противоположных взглядов по этому вопросу. Сторонники рационалистического подхода ведут напряженную борьбу с последствиями постструктурализма и постмодернизма, смешавшего всё доселе принятое в понимании объективности отражения мира.

В извечном споре о подлинности науки еще не поставлена точка, и представляется, что окончательной победы какой-либо позиции не будет никогда. Нам, историкам философии, приходится лишь констатировать факт безграничности человеческого познания и восхищаться любознательностью и пытливостью ума всех исследователей – новаторов идей и искателей истины, ибо благодаря этому мир становится лучше, а жизнь интересней и разнообразней.

Литература

- Аристотель. Метафизика // Сочинения в 4 т. Т.1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
- Аристотель. Топика // Сочинения в 4 т. Т.2. – М.: Мысль, 1978. – С. 347-532. – 687 с.
- Бэкон Ф. Великое восстановление наук. О достоинстве и приумножении наук // Соч.: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1971. – 590 с.
- Бэкон Ф. Новая Атлантида // Сочинения в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1972. – 582 с.
- Вахштайн В. Проблема демаркации в философии науки. URL: <https://m.facebook.com/postnauka/videos/проблема-демаркации-в-философии-науки-виктор-вахштайн/725521284501041/>
- Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991 – 271 с.
- Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. – М.: Наука, 1987. – 447 с.
- Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. / Общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрединой. – М.: Прогресс, 1992. — 224 с.
- Декарт Р. Размышления о первой философии... // Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В. В. Соколова – М.: Мысль, 1994. – 633 с.
- История философии: Запад-Россия-Восток (книга третья. Философия XIX-XX вв.). – М.: Греко-латинский кабинет, 1999. – 448 с.
- Касавин И.Т. К демаркации науки и теологии как проблеме генезиса науки // Проблема демаркации науки и теологии: современный взгляд / Рос. акад. наук, Ин-т философии, Рос. гос. гуманитар. ун-т; Отв. ред. И.Т. Касавин и др. – М.: ИФ РАН, 2008. – 279 с.
- Кречет В.Г. О метафизике природы и её развития / Метафизика. – 2013, № 2 (8). – С. 162-170.
- Лайтман Б. «Тезис о конфликте» и научный натурализм // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tezis-o-konflikte-i-nauchnyy-naturalizm>
- Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благодати Божией... // Сочинения в 4 т. Т.4. – М.: Мысль, 1989. – 554 с.

- Лейбниц Г.В. О свободе // Сочинения в 4 т. Т.1. – М.: Мысль, 1982. – 636 с.
- Лузина Т.И., Спивак В.И. Наука как предмет познания в философии первого позитивизма // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-kak-predmet-poznaniya-v-filosofii-pervogo-pozitivizma>
- Никифоров А.Л. Что дала человечеству наука Нового времени? // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2018. №42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-dala-chelovechestvu-nauka-novogo-vremeni>
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 829 с.
- Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. / Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А. – Минск.: Книжный Дом. 2003. – 1280 с. – (Мир энциклопедий).
- Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч.; Сост., ред. и авт. вступит, статьи А. Ф. Лосев; Авт. примеч. А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
- Платон. Государство / Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654 с.
- Поппер К. Логика научного исследования: Пер. с англ. / Под общ. ред. В. Н. Садовского. — М.: Республика, 2004. – 447 с. – (Мыслители XX века).
- Рассел Б. История Западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. – М.: Академический проект, 2009. – 1008 с.
- Скоморохов М.В., Внутских А.Ю. Проблема демаркации науки и паранауки: история и современное состояние. // Вестник Вятского государственного университета. – 2015. – № 7. – С. 16-21.
- Спенсер Г. О причинах разногласия с философией О. Конта // Опыты научные, политические и философские. Том 2. 1868, 1998 // URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000871/index.shtml>
- Спиноза Б. Этика. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 396 с.
- Черничкина А.А. Природа и религия в романтической метафизике // Метафизика – 2013. – № 2 (8). – С. 30-41.
- Шлик М. Поворот в философии // Аналитическая философия. Избранные тексты. – М.: МГУ, 1993. – 191 с.
- Эдвард В. Саид. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 637 с.
- Boudry, M., M. Pigliucci. Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. The University of Chicago Press, 2013. – 469 p.
- Feyerabend P. K. (1970). Against method: outline of an anarchistic theory of knowledge. // Analyses of theories and methods of physics and psychology. Preliminaries. Minneapolis: University of Minnesota Press, 437 p. – Pp. 17-130
- Feyerabend P. K. (1978). Science in a Free Society. London: New left books, 221 p.
- Hesse M. Duhem, Quine, and a New Empiricism // in Knowledge and Necessity, Royal Institute of Philosophy Lectures, Vol. 3, G. Vesey (ed.), New York: Macmillan: London and St. Martin's Press, 1970, 284 p. – Pp. 191-209.
- Lakatos I. The Methodology of Scientific Research Programmes, Philosophical papers, volume I, edited by John Worrall and Gregory Currie, Cambridge University Press, 1995, 250 p.
- Said E. Orientalism: Western Representations of the Orient. London: Routledge and Kegan Paul, 1978, 394 p.
- Shermer M. Science and Pseudoscience. The Difference in Practice and the Difference It Makes // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. The University of Chicago Press, 2013. – 469 p. – P. 203-225.
- Taleb N. N. (2007). The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. Random House Publishing Group, 480 p.

References

- Aristotle. (1976). Metafizika. [Metaphysics] // Works in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl, 550 p. (In Russian)
- Aristotle. (1978). Topika. [Topic] // Works in 4 vols. 2. Moscow: Mysl, pp. 347-532, 687 p. (In Russian)
- Bacon F. (1971). Velikoe vosstanovlenie nauk. O dostoinstve i priumnozhenii nauk. [The Great Restoration of the Sciences. On the dignity and multiplication of sciences] // Works in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl, 590 p. (In Russian)
- Bacon F. (1972). Novaya Atlantida. [New Atlantis] // Works in 2 vols. 2. Moscow: Mysl, 582 p. (In Russian)
- Boudry, M., M. Pigliucci (2013). Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. The University of Chicago Press, 358 p.
- Chernichkina A. A. (2013). Priroda i religiya v romanticheskoy metafizike. [Nature and religion in romantic metaphysics]. // Metaphysics, No. 2 (8), pp. 30-41. (In Russian)
- Descartes R. (1994). Razmyshleniya o pervoj filosofii... [Reflections on the first philosophy...] // Works in 2 vols. Vol. 2 / Comp., ed. and notes by V. V. Sokolov. Moscow: Mysl, 633 p. (In Russian)
- Feyerabend P. K. (1970). Against method: outline of an anarchistic theory of knowledge. // Analyses of theories and methods of physics and psychology. Preliminaries. Minneapolis: University of Minnesota Press, 437 p. – P. 17-130
- Feyerabend P. K. (1978). Science in a Free Society. London: New left books, 221 p.
- Gaidenko P. P. (1987). Evolyuciya ponyatiya nauki. [Evolution of the concept of science]. Moscow: Nauka, 447 p. (In Russian)
- Guillaume G. (1992). Principy teoreticheskoy lingvistiki. [Principles of theoretical linguistics]. / General ed., afterword. and comments by L. M. Skrelinina. Moscow: Progress, 224 p. (In Russian)
- Istoriya (1999) filosofii: Zapad-Rossiia-Vostok (kniga tret'ya. Filosofiya XIX-XX v). [History of philosophy: West-Russia-East (book three. Philosophy of the XIX-XX centuries)]. Moscow: Greco-Latin Cabinet, 448 p. (In Russian)
- Kasavin I. T. (2008). K demarkacii nauki i teologii kak probleme genezisa nauki // Problema demarkacii nauki i teologii: sovremennij vzglyad. [On the demarcation of science and theology as a problem of the genesis of science // The problem of demarcation of Science and theology: a modern view] / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Russian State Humanities. I. T. Kasavin et al., Moscow: IF RAS, 279 p. (In Russian)
- Krechet V. G. (2013). O metafizike prirody i eyo razvitiya. [On the metaphysics of nature and its development] // Metaphysics, No. 2 (8). pp. 162-170. (In Russian)

- Hesse M. (1970). Duhem, Quine, and a New Empiricism// in Knowledge and Necessity, Royal Institute of Philosophy Lectures, Vol. 3, G. Vesey (ed.), New York: Macmillan: London and St. Martin's Press, 284 p. – Pp. 191-209.
- Lightman B. (2015). «Tezis o konflikte» i nauchnyj naturalizm. [«The Thesis of the conflict,» scientific naturalism and the] // State, religion, Church in Russia and abroad. №4 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tezis-o-konflikte-i-nauchnyy-naturalizm> (In Russian)
- Lakatos I. (1995). The Methodology of Scientific Research Programmes, Philosophical papers, volume I, edited by John Worral and Gregory Currie, Cambridge University Press, 250 p.
- Leibniz G. V. (1989). Opyty teodicej o blagosti Bozhiej... [Experiments of theodicy on the goodness of God...]. // Works in 4 vols. T. 4. Moscow: Mysl, 554 p. (In Russian)
- Leibniz G. V. (1982). O svobode [On freedom] // Works in 4 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl, 636 p. (In Russian)
- Luzina T. I., Spivak V. I. (2014). Nauka kak predmet poznaniya v filosofii pervogo pozitivizma. [Science as a subject of knowledge in the philosophy of the first positivism] // Bulletin of LSU named after A. S. Pushkin. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauka-kak-predmet-poznaniya-v-filosofii-pervogo-pozitivizma> (In Russian)
- Nikiforov A. L. (2018). Chto dala chelovechestvu nauka Novogo vremeni? [What has the science of Modern Times given to mankind?] // Vestn. Volume of the State University. Philosophy. Sociology. Political science. №42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-dala-chelovechestvu-nauka-novogo-vremeni> (In Russian)
- Nietzsche F. (1996). Tak govoril Zaratustra. Kniga dlya vsekh i ni dlya kogo. [Thus spake Zarathustra. A book for everyone and for no one]. // Essays: in 2 vols. T. 2. Moscow: Mysl, 829 p. (In Russian)
- Novejsnij filosofskij slovar' (2003). [The latest philosophical dictionary] / Sost. i gl. n. red. Gricanov A.A. Minsk.: Knizhnyj Dom. 1280 p. (In Russian)
- Plato. (1986). Dialogi. [Dialogues] / Trans. from Ancient Greek; Comp., ed. and auth. introduction, articles by A. F. Losev; Author's note by A. A. Taho-Godi. Moscow: Mysl, 607 p. (In Russian)
- Plato. (1994). Gosudarstvo. [The state] /Collected works in 4 vols. Vol. 3 / Trans. from Ancient Greek; General ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Taho-Godi. Moscow: Mysl, 654 p. (In Russian)
- Popper K. (2004). Logika nauchnogo issledovaniya. [The Logic of Scientific Discovery]. / Per. s angl. / Pod obsh. ed. V. N. Sadovskiy. Moscow: Respublika, 447 p. (Thinkers of the XX century). (In Russian)
- Russell B. (2009). Istoriya Zapadnoj filosofii i ee svyazi s politicheskimi i social'nymi usloviyami ot antichnosti do nashih dnei. [History of Western Philosophy and its relations with political and social conditions from antiquity to the present day]. Moscow: Academic project, 1008 p. (In Russian)
- Said E. Orientalism: Western Representations of the Orient. London: Routledge and Kegan Paul, 1978, 394 p.
- Shermer M. (2013). Science and Pseudoscience. The Difference in Practice and the Difference It Makes // Philosophy of Pseudoscience: reconsidering the demarcation problem. The University of Chicago Press, 469 p. – Pp. 203-225.
- Skomorokhov M.V., Vnutskikh A.Yu. (2015). Problema demarkacii nauki i paranauki: istoriya i sovremennoe sostoyanie. [The problem of demarcation of science and parascience: history and current state] //Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 7, pp. 16-21. (In Russian)
- Spencer G. (1998). O prichinah raznoglasiya s filosofiej O. Konta. [On the reasons for disagreements with the philosophy of O. Conte] // Scientific, political and philosophical experiments. Volume 2. 1868' URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000871/index.shtml> (In Russian)
- Spinoza B. (2018). Etika. [Ethics]. Moscow: RIPOLL classic, 396 p. (In Russian)
- Taleb N. N. (2007). The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable. Random House Publishing Group, 480 p.
- Schlick M. (1993). Povорот v filosofii. [Turn in philosophy]. //Analytical philosophy. A selection of the texts. Moscow: Moscow state University, 191 p. (In Russian)
- Vakhstein V. Problema demarkacii v filosofii nauki. [The problem of demarcation in the philosophy of science]. URL: <https://m.facebook.com/postnauka/videos/проблема-демаркации-в-философии-науки-виктор-вахштайн/725521284501041/> (In Russian)
- Vernadsky V. I. (1991). Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie. [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Science, 271 p. (In Russian)